

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127

Научная статья / Research paper

Е.Ю. Сергеев*

СОВЕТСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Образование СССР в декабре 1922 г. стало этапным событием не только с точки зрения предшествовавшей ему напряженной внутривнутриполитической борьбы, но и в контексте дипломатических усилий по нормализации международных отношений после мировой войны и российской революции. В случае Советской России последнее предполагало необходимость выхода из внешнеполитической изоляции и экономической блокады, которая подталкивала советских лидеров к активизации усилий по восстановлению экономических и политических связей с государствами Запада после Гражданской войны и интервенции. Статья посвящена оценке перипетий взаимодействия советской и британской дипломатии на основных международных конференциях 1922 г. — Генуэзской, Гагской и Лозаннской. Используя материалы российских и британских архивов, а также воспоминания участников, их служебную и личную переписку, автор подробно анализирует достижения и просчеты Москвы и Лондона в процессе стабилизации Версальско-Вашингтонского миропорядка в ходе подготовки и проведения указанных конференций. Как отмечает автор, Кремлю удалось подготовить почву для дипломатического признания большевистского режима ведущими державами и принять участие в обсуждении режима судоходства в Черноморских проливах, тогда как Уайтхолл сумел укрепить имперские позиции не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, хотя перспектива сближения Москвы с Берлином и Анкарой продолжала серьезно беспокоить британское

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

внешнеполитическое ведомство. В ходе рассмотренных международных конференций, однако, не нашла своего решения проблема российских долгов, которая препятствовала полной нормализации двусторонних отношений. В качестве значимых факторов, которые сказались на итогах конференций, автор называет отсутствие консолидированного внешнеполитического курса как у большевистского руководства, так и у британского правительства, неготовность западных дипломатов отказаться от стереотипов восприятия большевиков, а также возникновение опасной для Версальско-Вашингтонского порядка тенденции к сближению государств, проигравших Первую мировую войну, с так называемыми странами-ревизионистами, не признавшими ее итоги. Оценивая результаты дипломатического состязания Москвы и Лондона, автор отмечает, что конференции предоставили сторонам неопределимый опыт обсуждения ключевых проблем не только двусторонних, но и общеевропейских отношений и могут считаться знаковым этапом в процессе перехода от периода конфронтации к попыткам выстраивания конструктивного взаимодействия.

Ключевые слова: советско-британские отношения, Генуэзская конференция, Гагская конференция, Лозаннская конференция, послевоенное восстановление, интервенция, мирное сосуществование, долги царского правительства, Черноморские проливы, В.И. Ленин, Г.В. Чичерин, Л.Б. Красин, Д. Ллойд Джордж, Дж. Кёрзон.

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Советская и британская дипломатия на международных конференциях накануне образования СССР // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 88–127. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127.

Evgeny Yu. Sergeev

**SOVIET AND BRITISH DIPLOMACY
AT INTERNATIONAL CONFERENCES
ON THE EVE OF THE FORMATION OF THE USSR**

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993*

The paper examines the formation of the Soviet state and its place within the European international relations system in the first half of the 1920s both in the context of new principles of interstate and economic interactions and geo-

political transformations triggered by the First World War. In the case of Soviet Russia, the latter implied the need to break international isolation and economic blockade which pushed Soviet leaders to intensify efforts to restore economic and political ties with the Western states after the Civil War and intervention. The paper focuses on the peripeteias of interaction between the Soviet and British diplomacy at the key international summits of 1922 — the Genoa, the Hague, and the Lausanne conferences. Drawing on a wide range of primary sources from the Russian and British archives, as well as the memoirs of the participants, their official and personal correspondence, the author examines the achievements and miscalculations of Moscow and London in attempts to stabilize the Versailles-Washington world order on the eve and during these conferences. The author emphasizes that the Kremlin managed to pave the way for the diplomatic recognition of the Bolshevik regime by the leading powers and to take part in the discussion on Black Sea straits regime, while Whitehall managed to strengthen imperial positions both in Europe and in the Middle East, although the prospects of rapprochement between Moscow and Berlin and Ankara remained a major concern for the Foreign Office. However, these conferences failed to address the issue of Russian debts and it continued to be an obstacle to the normalization of bilateral relations. The author highlights a number of other significant factors that affected the outcomes of the conferences: the lack of a coordinated foreign policy approaches both among the Bolsheviks and within the British government, the persistence of stereotypes about the Bolsheviks, as well as an emerging trend towards rapprochement between the vanquished and the revisionist states which was particularly dangerous for the Versailles-Washington order. As for the outcomes of the diplomatic rivalry between Moscow and London, the author concludes that these conferences provided the parties with an invaluable opportunity to discuss the key issues of bilateral relations and European big politics and can rightfully be considered an important step in the development of the post-war international relations from confrontation to constructive interaction.

Keywords: Soviet-British relations, Genoa Conference, the Hague Conference, Lausanne Conference, post-war reconstruction, intervention, peaceful coexistence, debts of the tsarist government, Black Sea Straits, Lenin, Chicherin, Krasin, Lloyd George, Curzon.

About the author: *Evgeny Yu. Sergeev* — Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science; Professor, Russian State University for the Humanities and the State Academic University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

For citation: Sergeev E.Yu. 2022. Soviet and British diplomacy at international conferences on the eve of the formation of the USSR. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 88–127. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127. (In Russ.)

1922 год занимает особое место в истории международных отношений и внешней политики большевистской России. Окончание Гражданской войны, переход к новой экономической политике и дальнейшее укрепление советского режима обусловили серию шагов Кремля на мировой арене, подготовивших дипломатическое признание СССР ведущими государствами спустя два года.

В этом контексте необходимо обратить внимание на развитие отношений Москвы и Лондона, поскольку Британская империя и Советский Союз являлись крупнейшими по территории государственными образованиями, игравшими важную роль в решении большинства ключевых проблем. Можно с полным основанием констатировать, что именно в 1922 г. советские и британские дипломаты впервые «скрестили шпаги» на нескольких международных конференциях, центральное место среди которых заняли переговоры в Генуе, Гааге и Лозанне.

За прошедшие десятилетия было опубликовано немало исследований отечественных и зарубежных специалистов, посвященных работе этих форумов. Однако в 1920–1930-е годы они в значительной мере носили пропагандистский характер, особенно со стороны советских историков международных отношений¹. На протяжении холодной войны историография указанных конференций пополнилась новыми трудами, которые, в отличие от предыдущего периода, базировались не столько на официальных отчетах участников, стенограммах заседаний парламента и публикациях СМИ, сколько на увидевшей свет дипломатической переписке, а также на некоторых архивных материалах, ставших доступными для исследователей как в европейских странах, так и в СССР. Кроме того, с 1950–1960-х годов авторы монографий и статей стали активно использовать интервью с еще остававшимися в живых участниками событий и мемуарную литературу, объем которой постоянно возрастал. Однако идеологемы и стереотипы эпохи противостояния Востока и Запада оказали заметное влияние на интерпретацию большинства эпизодов дипломатического взаимодействия держав, выдвинув на первый план моменты противоборства и заглушая тенденции к сотрудничеству, в котором были заинтересованы все государства Старого Света, не

¹ Упомянем наиболее содержательные работы в контексте советско-британских отношений: [Иоффе, 1922; Преображенский, 1922; Штейн, 1922a, 1922b; Майский, 1923: 115–129; Dennis, 1924: 222–233; Nicolson, 1926: 187–213; Ronaldshay, 1928: 322–343].

исключая Советскую Россию [Лемин, 1947: 335–346; Fischer, 1951: 318–372, 403–414; Рубинштейн, 1953: 199–382; Owen, 1954: 615–620; Ивашин, 1958: 92–117; Выгодский, 1965: 189–260; Roskill, 1972: 266–276; Чубарьян, 1972: 217–229, 239–243, 251–282; Bush, 1976: 359–389; Волков, 1980: 169–209; Dockrill, Goold, 1981: 236–247; White, 1985].

Новый этап изучения конгрессов в Генуе, Гааге и Лозанне наступил в конце XX — начале XXI в., когда после окончания холодной войны исследователи руководствовались научной объективностью, позволившей интерпретировать интересующие нас конференции с максимальной детализацией [Williams, 1992: 64–71; Fink, 1993; Gilmor, 1994: 557–567; Goekay, 1997: 145–156; Orde, 2002: 183–207; Шишкин, 2002: 135–151; Goldstein, 2003; Salzmann, 2003: 7–32; Макаренко, 2003; Фомин, 2010: 396–427; Carley, 2014: 55–65; Macmeekin, 2015: 483–495; Катасонов, 2015; Сергеев, 2019: 371–432; Быстрова, 2020; Хормач, 2020]. Позитивным изменениям в немалой степени способствовали долгожданное открытие архивных фондов, развитие международного научного обмена в рамках исторических конференций, а также появление возможности проведения информационного поиска в зарубежных исследовательских центрах [подробнее см.: Hartley, 1987; Johnson, 1991].

Характеризуя подготовку, участие делегаций и итоги рассматриваемых форумов, специалисты высказывали различные мнения, которые в целом можно свести к двум концептуальным установкам. Первая, сформулированная главным образом советскими историками, заключается в том, что конференции стали безусловным успехом большевистской дипломатии, представителям которой, прежде всего в лице главы Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) Г.В. Чичерина, его заместителя М.М. Литвинова и наркома внешней торговли Л.Б. Красина, удалось сорвать попытки западных делегаций навязать Москве устраивавшую их схему погашения кредитов и выплаты задолженности. Согласно этой точке зрения большевистские представители переиграли многоопытных лидеров стран Антанты, включая таких асов внешней политики, как британский премьер Д. Ллойд Джордж и глава Форин офис Дж. Керзон. И хотя все указанные конференции завершились не в пользу Москвы, прошедшую «разведку боем» следовало рассматривать как удачный опыт реализации принципов мирного сосуществования государств с различными политическими системами.

Иная точка зрения раскрыта преимущественно в англо-американской историографии 1960–1980-х годов. Ее суть определяется критическим отношением к попыткам Д. Ллойд Джорджа сначала экономически, а затем и политически инкорпорировать Советскую Россию в Версальский мировой порядок. Большинство зарубежных авторов подчеркивают нереалистичность этих планов, указывая на авантюризм британского премьера в стремлении «приручить и цивилизовать» большевистское руководство, не способное, как показали итоги конференций, отказаться от идеи мировой революции ради нормализации отношений с коллективным Западом.

Вместе с тем в последние два десятилетия наметились более нюансированные подходы к оценке Генуи, Гааги и Лозанны, хотя вплоть до настоящего времени в историографии отсутствуют работы, специально посвященные теме дипломатического взаимодействия Москвы и Лондона на указанных конференциях, а в недавно опубликованной капитальной истории внешней политики Великобритании интересующей нас тематике отведено всего две-три страницы, несмотря на то что Соединенное Королевство и РСФСР выступали ключевыми игроками на международной арене 1920-х годов [Капитонова, Романова, 2016: 313, 318–320].

В этой связи автор статьи видит свою задачу в рассмотрении важнейших тенденций, характерных для советско-британского дискурса первой половины 1920-х годов, а также в изучении достижений и просчетов обеих стран на пути к нормализации после турбулентности мировой войны, российской революции и иностранной интервенции. Основная цель исследования, актуальность которого обусловлена сегодняшними коллизиями двусторонних отношений, состоит в поиске ответа на вопрос: можно ли говорить о том, что большевистская дипломатия упустила реальный шанс скорейшего окончания противостояния с Великобританией и другими странами Антанты? Ведь успех перечисленных конференций мог с точки зрения внешней политики привести к реинтеграции России в «концерт держав», а экономически — способствовать формированию смешанной, государственно-частной экономики с использованием западных кредитов и займов. Новизна работы определяется тем обстоятельством, что автор уделяет первостепенное внимание компаративному изучению российских и британских архивных документов, а также источников личного происхождения, ранее недоступных либо остававшихся вне поля зрения специалистов.

Подготовка Генуэзской конференции

Внешнеполитическая изоляция и экономическая блокада толкали советских лидеров к новым попыткам восстановления экономических, а если получится — и политических связей с государствами Запада, прерванных Гражданской войной и интервенцией. НКВД активно зондировал этот вопрос в связи с отправкой западными правительственными и общественными организациями гуманитарной помощи РСФСР, многие регионы которой были охвачены массовым голодом. Так, 4 сентября 1921 г. Г.В. Чичерин телеграфировал дипломатическому агенту в Лондоне Я.А. Берзину о необходимости добиться приема у Д. Ллойд Джорджа и заявить премьеру о возможном согласии Москвы погасить долговые обязательства царского и Временного правительств взамен на признание большевистского режима де-юре и предоставление ему кредитов на условиях, требующих согласования в рамках специальной конференции². По всей вероятности, это предложение открыло для британского правительства перспективу организации международного экономического форума с участием Советской России.

Инициатива Г.В. Чичерина обсуждалась на полях Брюссельского совещания членов Верховного экономического совета Антанты 6–8 октября 1921 г. Заметим, что определенное впечатление на Д. Ллойд Джорджа также произвела речь главы советского правительства В.И. Ленина на Втором Всероссийском съезде политпросветов 17 октября того же года, в которой вождь допустил элементы капитализма в советской экономике на этапе послевоенного восстановления³. Аналогичным образом истеблишмент Запада воспринял декреты Совета народных комиссаров (СНК) о внесении поправок в законодательство, согласно которым реквизиции и конфискации можно было производить только по решению суда, и о начале реформы национальной денежной системы: в отличие от периода «военного коммунизма», она признавалась теперь важнейшим элементом российской экономики⁴. 19 ноября газета

² Чичерин — Берзину, 4 сентября 1921 г. // Документы внешней политики (ДВП) СССР / Отв. ред. А.А. Громыко. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 306.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС): В 55 т. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1970. С. 155–175. Также см.: [White, 1985: 30].

⁴ Hodgson to Curzon, 22 November. 1 December 1921 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). Foreign Office (FO) 418/56. Ff. 199–202, 215–216.

«The Times» писала, что «вопрос состоит только в отыскании подходящей формулировки для возвращения России к капитализму», а 2 декабря она же констатировала, что «коммунистический эксперимент в России подошел к концу» [цит. по: White, 1985: 30].

Тем временем 27 октября Г.В. Чичерин направил Дж. Кёрзону официальную ноту, в которой выражалась готовность советского правительства «признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств». В ответ глава Форин офис выразил удовлетворение модификацией прежде негативной позиции Москвы относительно возврата долгов, хотя и попросил уточнить, касается ли это всех финансовых обязательств России, включая выплату компенсации бывшим иностранным собственникам, имущество которых подверглось конфискации или разграблению⁵.

26 ноября фактический полпред в Лондоне Л.Б. Красин сообщил Г.В. Чичерину об упорном молчании британского правительства относительно дальнейших намерений в урегулировании «русского вопроса». Причинами такой паузы, по мнению представителя РСФСР на берегах Темзы, выступали проведение Вашингтонской конференции, занятость Уайтхолла разрешением ирландской проблемы, а также разногласия Великобритании и Франции по урегулированию греко-турецкого конфликта. Но главным затруднением, как подчеркивал Л.Б. Красин, выступала совершенная неспособность советского правительства «организовать труд и производство таким образом, чтобы они давали избыток, необходимый для начатия [так в документе] уплаты по долгам». Полпред указывал, что на Западе сохранялись опасения нецелевого использования кредитов большевистским руководством либо банального их разворовывания кремлевской бюрократией⁶.

⁵ Chicherin to Curzon. 28 October 1921 // Great Britain. Foreign Office. Correspondence with M. Krassin respecting Russia's Foreign Indebtedness. Russia 1921. No. 3. Cmd 1546. London: HMSO, 1921. P. 3–5; Curzon to Krassin. 1 November 1921 // Ibid. P. 5–6; Чичерин — Красину (для передачи Кёрзону). 27 октября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 492–493.

⁶ Красин — Чичерину. 26 ноября 1921 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 1–4.

Стремясь побудить Уайтхолл к дальнейшим переговорам, Л.Б. Красин 29 ноября 1921 г. дал интервью группе лидеров Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), которое было напечатано на страницах одной из пропагандистских брошюр Национального комитета «Руки прочь от России»⁷. В частности, он отметил, что «признание Великобританией Советской России де-юре оказало бы решающее влияние на отказ Запада от интервенционистской политики в этой стране». Обещание «пряника» для Лондона содержало заявление Л.Б. Красина о том, что «в случае возобновления нормальных политических отношений между Россией и Великобританией первоочередная задача состояла бы в выработке с помощью Великобритании плана экономического возрождения России», для чего, по словам представителя Москвы, советское правительство могло бы предоставить концессионные гарантии под английский заем⁸.

14 декабря 1921 г. в субсидируемой большевиками британской газете «Daily Herald» появилась статья, автор которой под псевдонимом «Политикус» выступил с предложением организовать европейскую экономическую конференцию. Тем самым Москва провела зондаж общественного мнения относительно этой идеи. Тогда же Д. Ллойд Джордж вместе с министром торговли Р. Хорном в беседе с Л.Б. Красиным затронул вопрос о создании синдиката крупных финансовых компаний из Великобритании, Франции и Германии для «помощи Советской России», которая могла бы состоять из иностранных капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство при условии контроля инвесторов над значимыми железнодорожными магистралями [Coates, Coates, 1943: 64–65; Orde, 2002: 177].

В ответ дипломатический представитель РСФСР на берегах Темзы поставил условием начала деятельности синдиката официальное признание Лондоном большевистского правительства⁹. По прошествии десяти дней Л.Б. Красин фактически поддержал эту идею, выступив хотя бы за частичное признание долгов в обмен на установление полномасштабных дипломатических отношений и оказание финансовой помощи¹⁰. «Непризнание советского правительства является сейчас тем тупиком, в который уперлась вся

⁷ Trade with Russia. The facts. London: S.P., 1921.

⁸ Ответы Красина на вопросы группы руководящих деятелей лейбористского движения. 29 ноября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 547–557.

⁹ Красин — Чичерину. 17 декабря 1921 г. // Там же. С. 579–582.

¹⁰ Красин — Чичерину. 28 декабря 1921 г. // Там же. С. 605–606.

наша внешняя политика, а равно вопрос содействия восстановлению экономической жизни России, — подчеркнул нарком внешней торговли в телеграмме Г.В. Чичерину после состоявшейся в канун нового 1922 г. еще одной неофициальной встречи с Д. Ллойд Джорджем и Р. Хорном. — Опыт показал, что никаких крупных концессий, денежных сделок и т.п. мы не сможем с западным капиталом заключить, пока из этого тупика не выберемся». Единственным препятствием для претворения в жизнь идеи международного синдиката, по мнению Л.Б. Красина, был его корпоративный, а не государственный характер¹¹.

Будучи воодушевленным наметившейся среди большевистского руководства тенденцией к компромиссу, Д. Ллойд Джордж выступил с проектом резолюции о созыве экономического форума по проблемам реконструкции Европы на встрече членов Верховного военного совета Антанты во французских Каннах 6 января 1922 г. Цель британского премьера состояла в инициации процесса восстановления связей с Веймарской Германией и особенно Советской Россией, руководство которой провозгласило «новую экономическую политику» (НЭП), расцененную многими на Западе как неизбежное возвращение к рыночному хозяйству. Неслучайно поэтому в резолюции, одобренной представителями Антанты, говорилось о «совместных усилиях наиболее мощных государств, необходимых для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной. Эти усилия должны быть направлены к ликвидации всех препятствий, затрудняющих торговлю». При этом важнейшим условием приглашения национальных делегаций для участия в форуме объявлялось их согласие погасить взаимные финансовые обязательства, соблюдать четкие законодательные нормы в отношении имущественных прав граждан, а также отказаться от враждебных действий друг против друга, включая пропаганду [Штейн, 1922b: 3].

Спустя четыре дня официальный запрос организаторов был направлен в Москву, а на следующий день принципы, указанные в Каннской резолюции, получили законченную формулировку [Штейн, 1922b: 5, 28–29]. 17 января возможность прибытия делегации

¹¹ Красин — Чичерину. 31 декабря 1921 г. // АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 60–70; Красин — Чичерину. 31 декабря 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 160–169.

РСФСР на конференцию Л.Б. Красин обсуждал с экономическим советником британского премьер-министра Э. Уайзом, который подчеркнул желательность встречи с В.И. Лениным для предметного обсуждения международных проблем¹².

Местом проведения форума в результате длительной дискуссии была выбрана Генуя, так как первоначальная идея собраться в Женеве не устраивала Москву и Берлин из-за нахождения в этом городе штаб-квартиры Лиги Наций, членами которой Советская Россия и Германия в то время не являлись. Вместе с тем предложение Кремля встретиться в Лондоне также не было поддержано — на этот раз со стороны Франции и Бельгии, испытывавших давление британского Кабинета по вопросу германских репараций. После некоторых размышлений большевистское руководство позитивно откликнулось на инициативу Верховного военного совета Антанты, хотя идея распространить приглашение и на Турцию, единственного союзника Москвы в тогдашней Европе, была отвергнута Д. Ллойд Джорджем и Дж. Кёрзоном, которые стремились представить созов конференции как результат коллективных усилий союзников¹³.

27 января 1922 г. Г.В. Чичерин на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) подчеркнул значимость нормализации отношений с Великобританией. «На берегах Темзы, — отметил он, — сосредоточилась вся политическая мудрость капиталистического мира. Государственные люди Темзы умеют видеть далеко и обладают тонким чутьем по отношению к поднимающимся новым силам». И далее, отдавая должное главе Кабинета, нарком заявил, что «вступить в соглашение с новой исторической силой, чтобы ее обезвредить, — вот торжество английского традиционного государственного искусства, представителем которого в данный момент является премьер Д. Ллойд Джордж с его гибкостью, с его чутьем по отношению ко всем окружающим

¹² Уайз — Красину. 17 января 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 6–8; Красин — Чичерину. 17 января 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1961. С. 33.

О намерении Д. Ллойд Джорджа встретиться с В.И. Лениным на конференции см.: Gregory J. On the edge of diplomacy: Rambles and reflections, 1902–1928. London: Hutchinson, 1928. P. 194, 203.

¹³ Чичерин — Красину. 21 января 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 15–16; Чичерин — Красину. 21 января 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 59; Кёрзон — Красину. 22 января 1922 г. // Там же. С. 60.

политическим и общественным силам, с его умением компромисса» [White, 1985: 104, 106–107]¹⁴.

Соответственно Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР сформировал комиссию по подготовке к Генуэзской конференции. 26 января на нужды комиссии было выделено 20 тыс. зол. руб. Она включила целый ряд видных экономистов, которые разработали перспективный план развития хозяйства России на ближайшие годы. По мнению экспертов, которые перед отъездом в Геную провели четыре совещания, привлечение иностранного капитала мыслилось в трех основных формах: займов, концессий и акционерных обществ, а необходимые затраты на восстановление экономики должны были составить 1,1–1,2 млрд зол. руб., из которых 0,6–0,7 млрд могло обеспечить государство, а оставшуюся сумму в 0,5 млрд — иностранные займы¹⁵.

Получив 1 февраля 1922 г. директивы Политбюро ЦК РКП(б), одобренные В.И. Лениным, Г.В. Чичерин инструктировал представителей РСФСР в Лондоне и Риме о категорическом нежелании Москвы видеть в Генуе эмиссаров контрреволюционных организаций¹⁶. Спустя неделю М.М. Литвинов сообщил Л.Б. Красину: «Я лично предлагаю предоставить бывшим владельцам [иностранным гражданам] национализированных фабрик, заводов и рудников преимущественное право на получение концессий на эти же предприятия на условиях, совместно с нами вырабатываемых»¹⁷. С точки зрения заместителя наркома, это предложение открывало возможность достижения компромисса по проблеме погашения внешней задолженности РСФСР перед иностранными кредиторами.

¹⁴ О настроениях среди членов советского правительства см.: Report by MI-1(c) to Curzon, 15 March 1922 // TNA. FO 371/8187.

¹⁵ Материалы по подготовке советской делегации к Генуэзской конференции, 1922 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2305. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5, 6–7, 28–31, 47–48 об. Также см.: Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М.: Госполитиздат, 1963; [Штейн, 1922b: 16–20].

¹⁶ Проект директивы Чичерину и членам советской делегации. 1 февраля 1922 г. // Ленин В.И. О внешней политике Советского государства. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1960. С. 374–376; Чичерин — представителям РСФСР в Лондоне и Риме. 1 февраля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 74.

¹⁷ Литвинов — Красину. 9 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 25–31.

Следует признать, что противники участия Москвы в экономической конференции имелись как с советской, так и с британской стороны. Негативное мнение, к примеру, высказывали такие руководители, как Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, К.Б. Радек и А.А. Иоффе [Fink, 1993: 7, 53–57]. Суть их возражений можно было свести к точке зрения последнего из названных политических деятелей, который связывал заинтересованность Британии в проведении форума с внутренними экономическими трудностями и стремлением создать противовес Франции в Европе [Иоффе, 1922: 15, 19]. Близкую позицию занимал известный деятель Коминтерна Ф.А. Ротштейн, который в записке от 23 февраля 1922 г. довольно критически оценивал возможность достижения компромисса между Москвой и Лондоном, поскольку согласие британского правительства на признание большевистского режима означало бы для Уайтхолла ревизию принципов Версальской системы¹⁸.

Если Л.Д. Каменев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и Г.Я. Сокольников, не говоря о Г.В. Чичерине и Л.Б. Красине, в целом поддерживали курс на нормализацию по крайней мере экономических отношений с Западом, то В.И. Ленин занимал довольно осторожную позицию, которая обуславливалась противоречиями между продолжением курса на мировую революцию и опасением лишиться политической власти в стране из-за воздействия как внутренних, так и внешних факторов. Хотя для главы СНК на первом плане находились экономические вопросы, решение главной политической проблемы — получение гарантий Великобритании и Франции как ведущих членов Антанты относительно невозможности повторения вооруженной интервенции против Советской России занимало, по убеждению В.И. Ленина, не менее важное место в текущей повестке дня¹⁹.

Палитра мнений представителей британской элиты была еще шире. Если Д. Ллойд Джордж, Р. Хорн, министр торговли и будущий премьер С. Болдуин полагали неизбежным дипломатическое признание большевиков, то Дж. Кёрзон и лорд-хранитель печати, в дальнейшем министр иностранных дел О. Чемберлен обставляли его

¹⁸ Записка Ротштейна о Генуэзской конференции. 23 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 34–43.

¹⁹ О международном и внутреннем положении Советской Республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов. 6 марта 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 1–16; Интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд». 14 апреля 1922 г. // Там же. С. 160.

целым рядом серьезных условий²⁰, а министр колоний У. Черчилль и влиятельный секретарь Кабинета, а также Комитета имперской обороны М. Хэнки выражали категорическое неприятие самой идеи переговоров с Советами²¹. На протяжении января–февраля 1922 г. сотрудники Северного департамента МИД, курировавшие отношения с Россией, оттачивали формулировки принципов, которые легли в основу проектов основных документов конференции [Orde, 1993]. Отражением взглядов противников встречи с коммунистами за столом переговоров стал меморандум главы департамента Дж. Грегори от 12 февраля 1922 г. «Их намерение, — писал дипломат, — состоит в том, чтобы сначала попытаться получить юридическое признание, а затем кредиты, которыми можно было бы самостоятельно распоряжаться». По его мнению, Москва была убеждена в том, что Англия будет вынуждена пойти на соглашение по трем главным причинам: из-за опасений британских правящих кругов относительно продолжения соперничества двух государств на исламском Востоке, уверенности большевиков в мощном воздействии рабочего класса на политику правительства, а также убеждения соратников В.И. Ленина в кризисном состоянии экономики Соединенного Королевства, которое могло быть преодолено только благодаря соглашению с Россией²².

Несмотря на мнения даже близких Д. Ллойд Джорджу правых лейбористских лидеров, таких как Ф. Сноуден, о том, что «с большевиками нельзя иметь дело, поскольку они фанатики и стремятся использовать Запад для преодоления временных трудностей с целью мировой революции»²³, 3 марта 1922 г. премьер выступил в парламенте с обоснованием «экономического признания» Советской России²⁴. Одновременно с 20 по 28 марта представители крупнейших

²⁰ Chamberlain to Lloyd George. 21 March 1922 // University of Birmingham (UB). Cadbury Research Library Special Collections (CRLSC). Austen Chamberlain Papers (AC) 23/6/18; Chamberlain to Lloyd George. 24 March 1922 // Ibidem; Curzon to Chamberlain. 13 May 1922 // Ibid. AC 23/6/34.

²¹ Churchill W. The world crisis. The aftermath. London: Thornton Butterworth, 1929. P. 414–416.

²² Memorandum by Gregory. 12 February 1922 // Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1939 / Ed. by E.L. Woodman, R. Butler. London: HMSO, 1947–1984. First ser. Vol. XX. P. 849–853.

²³ Цит. по: Riddell G. Intimate diary of the peace conference and after. London: V. Gollancz, 1933. P. 359–360.

²⁴ Ibid. P. 368.

британских банков занимались выработкой рамочных финансовых условий признания РСФСР. Указав на юридическую несостоятельность отказа Советской России от погашения долговых обязательств и необходимость отмены правительством В.И. Ленина монополии на внешнюю торговлю, банкиры рекомендовали согласовать ежегодные выплаты Москвой 1,1–1,25 млрд зол. руб. для возврата общей суммы долга России перед Великобританией в размере 10,639 млрд²⁵.

Характеризуя свое понимание мотивов проведения конференции, Д. Ллойд Джордж писал О. Чемберлену: «Я никогда не считал, что восстановление европейской торговли и бизнеса окажется возможным без активного участия России». Главная цель проведения мероприятия, по мнению главы Кабинета, заключалась в оформлении всеми его участниками договоренности о взаимном ненападении. 23 марта Д. Ллойд Джордж даже пригрозил выйти из состава правительства в случае неодобрения его позиции министрами: «Если Уинстон [Черчилль], преследуемый мыслью о поражении, которое нанесли его военным проектам большевистские армии, решил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится на любое признание [России], независимо от того, насколько полной будет капитуляция коммунистов и что решит остальная Европа, тогда Кабинет должен выбирать между Уинстоном и мною»²⁶.

Наиболее ярко разногласия среди членов Кабинета по «русскому вопросу» проявились на заседаниях 27 и 28 марта, а также 2 апреля 1922 г. Несмотря на возражения У. Черчилля, заявившего, что кремлевское руководство постоянно нарушает условия торгового соглашения, заключенного в 1921 г., организуя подрывные акции на всей территории Британской империи от Ирландии до Индии и стремясь поссорить между собой западные державы, большинство министров поддерживали схему участия делегации Соединенного Королевства в конференции, с которой выступил Д. Ллойд Джордж²⁷.

²⁵ Решение совещания экспертов в Лондоне по русскому вопросу. 20–28 марта 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 2. П. 8. Д. 25. Л. 1–10; Генуэзская конференция. 1922. Материалы Генуэзской конференции. (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.) / Сост. Г.Б. Сандомирский. М.: НКВД, 1922. С. 92–105; Меморандум Преображенского о докладе лондонских экспертов. Начало апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 27. Л. 21–24.

²⁶ Lloyd George to A. Chamberlain. 22, 23 March 1922 // TNA. UB. CRLSC. AC 23/6/19.

²⁷ Цит. по: Jones T. Whitehall Diary / Ed. by K. Middlemas. London: Oxford University Press, 1969. Vol. 1. P. 195–197.

В итоге обе делегации отправились в Геную с программами поиска компромиссов не только по экономическим, но и по политическим вопросам. При этом в Москве рассчитывали на мощный пропагандистский эффект, который вызовет приглашение большевиков за стол переговоров с западными лидерами, а в Лондоне надеялись за счет обещания полного дипломатического признания советского режима державами Антанты добиться от него максимальных уступок по вопросам торговли, а главное — погашения внешней задолженности, тесно связанного с урегулированием проблемы германских репараций и выплатой самой Великобританией многомиллионных кредитов США.

«Разведка боем» в Генуе и ее продолжение в Гааге

Оставляя в стороне общую характеристику Генуэзского форума, которую можно найти на страницах исторических трудов, укажем лишь, что представители 29 государств и 5 британских доминионов участвовали в работе пленарных сессий и заседаниях четырех комитетов (политическом, финансовом, торговом и транспортном), проходивших в роскошных залах дворца Сан-Джорджо под председательством итальянского премьера Л. Факта. С точки зрения состава участников главными фигурами конференции, безусловно, выступали Д. Ллойд Джордж и Г.В. Чичерин, поскольку, как справедливо заметил один из советских делегатов, она «по сути, являлась конференцией по “русскому вопросу”» [Преображенский, 1922: 6]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на различия в должностном статусе, между ними имелось и нечто общее, а именно необходимость действовать в узких рамках той политической линии, которую преобладавшая часть властных элит обеих стран считала наиболее адекватной сложившейся международной ситуации. Так, Д. Ллойд Джорджу связывали руки многочисленные влиятельные противники каких-либо контактов с Советами, а за спиной Г.В. Чичерина стояли те члены кремлевской верхушки, которые были настроены на продолжение конфронтации с Западом, тем более что для В.И. Ленина, как свидетельствуют воспоминания и официальная переписка, успех конференции уступал по значимости возможному пропагандистскому эффекту переговоров. В одном из писем Г.В. Чичерину глава СНК прямо заявил: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали <...>, но не мы, конечно». И далее: «Заем [у западных стран] мы получим

лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы» [цит. по: Латышев, 1996: 184–185].

Таким образом, судя по программным выступлениям британского премьера и советского наркома в первый же день работы форума 10 апреля 1922 г., можно было ожидать его провала, поскольку цели Великобритании и Советской России не совпадали, а все попытки участников встречи сблизить позиции наталкивались на сопротивление антагонистов инкорпорирования большевистского государства в Версальский миропорядок. Отвечая на демагогические призывы Г.В. Чичерина к Антанте сократить вооружения и перераспределить национальные золотые запасы между странами в форме долгосрочных ссуд, Д. Ллойд Джордж вслед за упоминанием о двух попытках усадить Россию за стол переговоров весной 1919 г. и летом 1920 г. заявил: «Ходят упорные слухи о создании крупных армий, о громадных полчищах свирепых революционеров, готовых обрушиться на Европу и низвести страны до того же состояния голода, разрухи и эпидемий, как и в России» [цит. по: Штейн, 1922b: 41]. Далее он поставил ребром вопрос о выплате иностранных долгов как необходимом условии возвращения РСФСР в лоно цивилизованных межгосударственных отношений²⁸.

Во время частной беседы с руководителями советской делегации 14 апреля, организованной английским премьером на вилле Альбертис под Генуей, где размещалась временная резиденция главы британской делегации, Д. Ллойд Джордж попытался убедить Г.В. Чичерина в том, что Антанта лишь предлагает России руководствоваться одинаковыми принципами для всех государств, которые одновременно выступали как кредиторами, так и дебиторами во взаимных расчетах. При этом британский премьер сослался на прецеденты из истории англо-французских отношений, когда и Лондон, и Париж после военных конфликтов обычно воздерживались от взаимных материальных претензий за понесенный ущерб. Кроме того, Д. Ллойд Джордж указал, что требовать от членов Антанты компенсации за интервенцию в сумме более 39 млрд зол. руб. — всё равно что заставлять их выплачивать контрибуцию проигравшим войну державам бывшего Четверного союза. Фактически британское правительство предлагало Москве компромисс: списать все военные

²⁸ Речь Чичерина на открытии Генуэзской конференции. 10 апреля 1922 г. // АВПРФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 37. Л. 6–12; Генуэзская конференция... С. 78–82, 82–84.

займы России, сократив проценты по ее довоенным долгам, но, безусловно, компенсировать имущественные потери физических лиц в результате национализации либо конфискации их имущества большевиками²⁹.

15 апреля Г.В. Чичерин сообщил в Москву, что главным вопросом для англичан стало признание обязательств по восстановлению собственности иностранцев, пострадавших от национализации, через передачу им предприятий в долгосрочную аренду либо выплату эквивалентной компенсации³⁰. В этой связи нарком предлагал советскому руководству, сохранив монополию на внешнюю торговлю, частично признать довоенные долги царской России перед физическими лицами — держателями ценных бумаг, согласовав со странами Антанты схему их погашения после пятилетнего моратория (позднее он был увеличен Г.В. Чичериным до 30 лет) и осуществив перевод бывшей иностранной собственности в концессии с условием предоставления РСФСР крупного торгового кредита³¹. Тогда из общей суммы российского иностранного долга в 18,5 млрд зол. руб. погашению с процентами подлежало бы всего 6 млрд зол. руб.

Но и эта сокращенная сумма показалась кремлевскому руководству слишком обременительной, поскольку означала бы выделение до 80% бюджета РСФСР на ежегодные платежи³², поэтому инициатива Г.В. Чичерина не встретила поддержки В.И. Ленина, который телеграфировал в Геную о принципиальной нецелесообразности предлагаемых уступок внешним кредиторам. Глава советского правительства назвал инициативы наркома «сумасшествием», пригрозив поместить его в санаторий, отправить в отставку членов делегации и публично дезавуировать любое соглашение с Западом,

²⁹ Запись частной беседы Ллойд Джорджа с русской делегацией. 14 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 3. Д. 41. Л. 2–17, 47–85.

³⁰ Чичерин — в НКВД. 15 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 217–220.

³¹ Декларация делегации РСФСР о международных торговых связях. 17 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 38. Л. 1–4; Генуэзская конференция... С. 127–141.

³² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1–10; Меморандум Советской делегации на Генуэзской конференции. 20 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 232–245; Чичерин — Ллойд Джорджу. 20 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 41. Л. 4; Чичерин — Ллойд Джорджу. 22 апреля 1922 г. // Там же. Д. 43. Л. 1; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 518–522.

подписанное без санкции Москвы³³. Не нашло понимания у большевистских лидеров и предложение Л.Б. Красина признать довоенные долги России в сумме 8 млрд зол. руб., добавив к ним еще 3–4 млрд зол. руб. компенсации за национализацию иностранного имущества. Взяв курс на фактический срыв Генуэзского форума, В.И. Ленин 30 апреля 1922 г. телеграфировал Г.В. Чичерину: «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь. Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни в коем случае ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение т. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима. Независимо от хода и исхода финансовых переговоров еще раз резко выдвиньте вопрос о взаимном обязательстве для сохранения мира [имелось в виду заключение общеевропейского пакта о ненападении] и поддержите его хотя бы в той неудовлетворительной форме, которую дает Ллойд Джордж»³⁴.

В то же время молниеносное, хотя и подготовленное визитом Г.В. Чичерина в Берлин накануне конференции заключение советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. получило одобрение членов Политбюро ЦК РКП(б), тогда как на всех участников конференции, и прежде всего британцев, этот дипломатический шаг произвел впечатление «разорвавшейся бомбы». Он традиционно оценивался современниками как личный триумф главы НКИД, с одной стороны, и провал дипломатии Д. Ллойд Джорджа — с другой³⁵. Важнейшим пунктом Рапалльского договора стал взаимный отказ РСФСР и Германии соответственно от получения репараций в сумме более 16 млрд зол. руб. и компенсации стоимости собственности, потерянной немцами в России, что могло бы стать опасным прецедентом для государств Антанты [Штейн, 1922b: 17]. Тем удивительнее выглядело мнение некоторых советских участников конференции о том, что подписание указанного документа было чуть ли не инспирировано Д. Ллойд Джорджем для эвентуального создания противовеса Франции, а в случае разрыва с ней — образо-

³³ Ленин — Сталину (по телефону для передачи Чичерину). 21 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 261; Проект телеграммы Чичерину. 2 мая 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 172.

³⁴ Ленин — Чичерину. 30 апреля 1922 г. // Там же. С. 171.

³⁵ Minutes of the British delegation. 16 April 1922 // TNA. Parliamentary Archives (PA). Lloyd George Papers (LG). F/150/1.

вания новой политической комбинации в составе Великобритании, Италии, Германии и России [Штейн, 1922b: 53–56].

Беседа представителей Антанты в резиденции итальянского премьера на вилле Раджи 18 апреля сосредоточилась на оценке новой ситуации после заключения советско-германского соглашения. Как заявил Д. Ллойд Джордж, «действительная опасность состояла в объединении интересов Германии и России, а не Германии и большевиков». «Большевизм — прошедшая фаза, — продолжал глава Кабинета, — поэтому рано или поздно, возможно, через пару или более лет в России будет другое, более стабильное правительство...» Главной же угрозой для Версальского порядка, в понимании британского премьера, становилось «военное сотрудничество Москвы и Берлина»³⁶. На следующий день коллективной нотой страны Антанты декларировали право признания недействительными любых положений Рапалльского договора. Как 29 апреля 1922 г. отозвался о нем Дж. Кёрзон, «похоже, мы имеем рецидив возвращения всех великих континентальных держав в очень мутную ситуацию предвоенных интриг и предательства» [цит. по: Salzmann, 2003: 19]. В этой связи отметим, что ради «спасения лица» и принятия хоть какого-то итогового документа Д. Ллойд Джордж готов был согласиться подписать общеевропейский пакт о ненападении, правда, с учетом позиции Италии, которая предлагала одобрить этот международный акт на Генеральной ассамблее Лиги Наций³⁷.

Заключительной попыткой добиться успеха форума стали меморандумы, согласованные главами Антанты и представленные ими советской делегации после совещаний 29 апреля и 3 мая 1922 г. Эти документы отразили некоторые вполне рациональные предложения члена британской делегации, известного экономиста Дж. Кейнса о предоставлении моратория на выплату долгов, эмиссии облигаций для их погашения и выделении Советской России кредита объемом 50 млн ф. ст. Другими словами, меморандумы определили ту красную черту, перейти которую Лондон уже не мог³⁸.

Первый документ содержал важное положение о том, что в случае согласия Москвы на реструктуризацию довоенной задолженности

³⁶ TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 87–89; Meeting of the Entente representatives at the Villa Raggi. 18 April 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 447.

³⁷ Проект пакта о ненападении. 26 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П 9. Д. 44. Л. 3.

³⁸ Manchester Guardian. 19.04.1922.

через выпуск 5% золотого облигационного займа ей будет предложена экономическая помощь в 15 млн ф. ст. Во втором меморандуме указывалось на возможность пересмотра суммы долга в сторону дальнейшего сокращения наряду с увеличением объема кредитных заимствований для Советской России до 25 млн ф. ст. на максимально льготных условиях с мораторием по погашению в 5 лет³⁹. Показательно, что на организованной 3 мая пресс-конференции Д. Ллойд Джордж пошел ва-банк, заявив: «...если и теперь Россия откажется от соглашения, Англия больше не даст себя третировать. Никогда деловой англичанин не станет вести дела в России после этого» [цит. по: Выгодский, 1965: 235].

В ответной ноте советской делегации обосновывалась необходимость получения Советской Россией займа совокупным объемом почти 8,8 млрд зол. руб. (880 млн ф. ст.) под финансовые гарантии, включавшие поступления от специального налога, а также доходы от продажи платины и предоставления концессий⁴⁰. Ужесточение позиции советской делегации нашло подтверждение в речи Г.В. Чичерина 3 мая на пленарном заседании конференции, когда в соответствии с инструкциями Кремля он исключил малейшую возможность отказа Москвы от государственной монополии на внешнюю торговлю и контроля за валютными операциями⁴¹.

Пожалуй, окончательно убедиться в неспособности достичь компромисса с Москвой Д. Ллойд Джордж смог на неформальной встрече с Л.Б. Красиным 5 мая 1922 г. В ответ на призыв собеседника предоставить кредит в форме государственного займа с ежегодными траншами в 120 млн ф. ст. британский премьер назвал ситуацию безнадежной по причине колоссальной величины запрашиваемой суммы, а главное — неспособности британского правительства добиться в парламенте одобрения официальных гарантий для такого заимствования. Судя по стенограмме этой беседы, глава Кабинета с горечью заявил: «Если советское правительство пришло к выводу, что оно не может согласиться на условия меморандума [от 3 мая

³⁹ Memorandum to the Russian delegation. 3 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 380–395; Меморандум Антанты. 2 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 47. Л. 1–7, 8–26, 27–41.

⁴⁰ Memorandum by Rakovski to the president of the financial commission. 3 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 415–424; Генуэзская конференция... С. 368–375.

⁴¹ Речь Чичерина в Генуе. 3 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 48. Л. 1–3.

1922 г.], надежды больше нет. Англия должна возвратиться к старой политике изоляции [РСФСР]»⁴².

Последовавшие ноты советской делегации от 6 и 11 мая также свидетельствовали о невозможности достижения компромисса, поскольку делали акцент на нежелании Антанты признать ущерб, который интервенты причинили народному хозяйству России, а также содержали отказ компенсировать потерю имущества иностранными гражданами в ходе революции, названной составителями второго из этих документов обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором)⁴³. 12 мая на встрече с делегатами союзных стран Д. Ллойд Джордж вынужден был признать фиаско конференции: «Ясно, что российская делегация не осмелилась возвратиться в Москву, приняв условия [Антанты], какими бы ни были личные взгляды ее членов»⁴⁴. Аналогичным образом он выразил свое сожаление делегатам из Советской России, прибывшим на виллу Альбертис для заключительной беседы с английским премьером 13 мая. По его мнению, они просто «не выдержали давления экстремистских сил»⁴⁵.

Заключительное пленарное заседание Генуэзской конференции 17 мая 1922 г. сопровождалось выступлением Г.В. Чичерина, который признал значимость форума для налаживания диалога между «первым в мире социалистическим государством и капиталистическим миром», а также ответной речью Д. Ллойд Джорджа. Выразив надежду на продолжение обсуждения «русского вопроса» в рамках следующей международной встречи, британский премьер сделал пессимистический вывод о принципиальной несовместимости двух систем⁴⁶.

Как современники, так и историки по-разному оценивали соперничество советской и британской дипломатий на форуме. К при-

⁴² Minute of the informal meeting of Lloyd George and Krassin. 5 May 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 751–755.

⁴³ Меморандум делегации РСФСР 6 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 49. Л. 1–7; Меморандум делегации РСФСР 11 мая 1922 г. // Там же. Д. 50. Л. 5–8; Генуэзская конференция... С. 230–241; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 846; Литвинов — в НКВД, 8 мая 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 360.

⁴⁴ Minute of the meeting of Lloyd George with the Allied delegations. 12 May 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 859.

⁴⁵ Minute of the informal meeting of Lloyd George with the Allied delegations. 13 May 1922 // Ibid. P. 868–870.

⁴⁶ Proceedings of the Genoa Conference. 17 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 582–593, 593–597; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 953–969.

меру, А.А. Иоффе определил конференцию в Генуе как «глубокую разведку в тылу у неприятеля» и «победу английского либерализма над французским черносотенством» [Иоффе, 1922: 61, 126], имея в виду категорический отказ Парижа сделать необходимые шаги к дипломатическому признанию Советов. Представители российской эмиграции выражали искреннее сожаление о начале фактического диалога европейских государств с большевистским режимом. Как писал один из бывших дипломатов, «Генуя действительно оказалась поворотным пунктом в развитии европейских отношений, пусть она не удалась, но тем характернее, что, несмотря на неудачу, начинается новая полоса» [цит. по: Кононова, 2005: 67].

Советские историки, по справедливому замечанию одного из исследователей, превратили фиаско конференции в победу большевиков [Макаренко, 2003: 55], поскольку, как правило, акцентировали внимание на «триумфе ленинской дипломатии мирного сосуществования» и на проявленной Г.В. Чичериным «со товарищи» дипломатической гибкости, благодаря которой они сумели-де предотвратить «глобальную экономическую интервенцию» против РСФСР, задуманную якобы Д. Ллойд Джорджем [см., например: Виноградов, 1970: 348].

Более разнообразные, порой крайне оригинальные оценки встречаются в мемуарах современников и трудах зарубежных коллег. Так, один из авторов связал «обескураживающий провал» Генуэзской конференции с «плохой подготовкой, еще худшим проведением и целями, в реальности отличными от первоначально заявленных»⁴⁷. Другой мемуарист иронично уподобил общение с большевиками «встрече ребенка с Робеспьером или Маратом в комнате ужасов музея восковых фигур мадам Тюссо»⁴⁸. А биограф М. Хэнки даже назвал Рапалльское соглашение между Советской Россией и Германией, открывшее период интенсивного сотрудничества двух стран в 1920-е годы, первым шагом на пути к заключению пакта Молотова–Риббентропа [Roskill, 1972: 276].

Заслуживает внимания и точка зрения Дж. Кейнса, который 13 апреля встречался с Г.В. Чичериным и освещал работу конференции для европейской прессы⁴⁹. 10 июня 1922 г. британский эконо-

⁴⁷ Steed H. Through thirty years 1892–1922: A personal narrative. Vol. 2. London: W. Heinemann; New York: Doubleday, Page and Co., 1924. P. 383.

⁴⁸ Gregory J. On the edge of diplomacy... P. 203.

⁴⁹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция... С. 142–151.

номист опубликовал итоговую статью в приложении к либеральной газете «The Manchester Guardian». Он передавал свое разочарование итогами завершившегося форума следующим образом: «Я думаю, что никогда на какой-либо иной конференции интеллектуальные стандарты не опускались так низко. Дискуссии — я ограничиваю себя лишь комментарием “русского вопроса” — редко затрагивали реалии. Большая часть времени оказалась занятой существующими и порой мелодраматичными спорами британской и французской делегаций об альтернативных вариантах формулы [договора], уже заранее неприемлемой для русских, либо, даже будучи принятой, не ведущей ни к каким практическим результатам...» [цит. по: Orde, 2002: 206–207].

На наш взгляд, необходимо согласиться с мнением А.А. Иоффе, который в одном из писем В.И. Ленину, датированном октябрём 1922 г., писал о «неуверенном и колеблющемся характере нашей дипломатии, который уже принес нам много вреда» и «который оказывает свое влияние до сих пор» [цит. по: Макаренко, 2003: 55]. Проведенное исследование показывает, что шансов на успех «крупнейшей со времени крестовых походов», как назвала ее «The Manchester Guardian» [White, 1985: VII], конференции, скорее всего, не было изначально, а ее неудачу можно было прогнозировать еще перед открытием, хотя У. Черчилль и Дж. Кёрзон до последнего дня работы форума опасались заключения сделки между Д. Ллойд Джорджем и Г.В. Чичериным, причем еще более далеко идущей, чем Рапалльское соглашение [Nicolson, 1937: 245].

Препятствия объективного и субъективного характера встали и на пути участников второго раунда Генуэзской конференции, который состоялся спустя полтора месяца в Гааге. Договоренность о его проведении была декларирована на заключительном заседании во дворце Сан-Джорджо 17 мая 1922 г.⁵⁰ Подготовив достаточно обширную программу переговоров, британская делегация под председательством Ф. Ллойд-Грима, начальника департамента заморских операций Министерства торговли, столкнулась с еще более жесткой позицией, занятой советскими представителями, которыми в Гааге руководил М.М. Литвинов при участии Л.Б. Красина и члена коллегии НКВД Н.Н. Крестинского. Теперь Москва вообще отрицала

⁵⁰ Речь Чичерина на четвертом заседании первой подкомиссии в Генуе. 17 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 51. Л. 5–9.

необходимость погашения долгов и противилась реституции национализированной собственности бывших владельцев, но в свою очередь требовала предоставить РСФСР заем в 330 млн ф. ст. для восстановления экономики, предлагая взамен ограниченный список сырьевых концессий⁵¹. Иными словами, точки зрения сторон выглядели диаметрально противоположными: если Антанта выступала за реституцию (а Лондон был согласен на компенсацию), то Москва предлагала экономические концессии; если бывшие союзники России были готовы на отсрочку выплаты всех долгов, то советское правительство настаивало на погашении лишь довоенных займов при условии длительного моратория и предоставления крупных кредитов с государственными гарантиями, что для правительства Великобритании было крайне сложно⁵².

Бесплодные прения в трех комитетах, образованных участниками Гаагского форума, очень скоро заставили делегатов из стран Западной Европы, особенно Франции и Бельгии, прийти к выводу о неприемлемости советской позиции. Имевшиеся разногласия среди членов британской делегации не помешали большинству ее членов полностью убедиться в бесперспективности дальнейших попыток заключить некое общее соглашение кредиторов с Россией, что обусловило переход к тактике сепаратных переговоров. 18 июля пресс-бюро советской делегации в Гааге вынуждено было констатировать: «Консервативная печать ликует. “Таймс” пишет: “Уроки Генуи и Гааги состоят в том, что не может быть никакого компромисса с советским правительством”. Газета рекомендует начать возрождение Европы с решения вопроса о германских репарациях. “Дейли Телеграф” расценивает неудачу Гааги как окончательное доказательство неприемлемости для Европы советского правительства, и это создает возможность общей политики Англии, Франции и Америки по отношению к России»⁵³.

Несмотря на провал Генуэзской и Гаагской конференций, они продемонстрировали наличие разных подходов к проблеме стаби-

⁵¹ Доклад российской делегации СНК о ходе работы и результатах Гаагской конференции. 27 июля 1922 г. // Гаагская конференция (1922). Полный стенографический отчет (материалы и документы) / Ред. Г.Н. Лашкевич. М.: НКВД, 1922. С. 7–14.

⁵² О проектах договоров, которые обсуждались в Гааге, см.: DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 1038–1138.

⁵³ Цит. по: Сообщение Бюро печати советской делегации на Гаагской конференции. 18 июля 1922 г. // ДВП ССР. Т. 5. С. 499.

лизации Версальского порядка и экономической реконструкции Европы не только у советской и британской делегаций, но и среди властных элит обеих стран. Для кремлевского руководства выбор дальнейшего внешнеполитического вектора определялся тремя возможными сценариями: продолжение курса на подготовку мировой революции с риском новой ответной интервенции западных держав, переход к мирному сосуществованию с ними ценой экономических, а в перспективе — и политических уступок либо отстаивание геостратегических интересов России как «осажденной крепости» с использованием комбинации методов, говоря современным языком, «жесткой» и «мягкой силы».

В свою очередь для британского истеблишмента становилось очевидно, что подготовка условий вовлечения РСФСР в Версальскую систему потребует гораздо большего периода времени и значительных усилий, включая крупные финансовые затраты. Однако без возвращения России и, конечно, Германии в «семью» великих держав трудно было рассчитывать на стабилизацию послевоенного миропорядка на фоне американского изоляционизма и подъема национальных движений в регионах Азии и Африки.

Таким образом, став рубежом между конфронтацией и сотрудничеством, Генуэзская и Гаагская конференции предоставили Москве и Лондону неоценимый опыт обсуждения и попыток разрешения ключевых проблем не только двусторонних, но и общеевропейских отношений, положив одновременно конец активной деятельности белоэмигрантского Совета послов.

Дипломатический поединок Г.В. Чичерина и Дж. Кёрзона в Лозанне

Новый раунд советско-британской дипломатической борьбы был связан с ситуацией вокруг Турции, правительство которой под руководством генерала М. Кемаля аннулировало Севрский мирный договор 1920 г., а в ходе войны против Греции, за спиной которой стояла Антанта, перешло на рубеже 1921–1922 гг. к наступательным действиям [подробнее см.: Фомин, 2010: 265–386]. Такое развитие событий в жизненно важном для интересов Великобритании регионе Ближнего Востока вызвало так называемый Чанакский кризис, угрожавший в сентябре–октябре 1922 г. перерасти в новый полномасштабный вооруженный конфликт вокруг Черноморских проливов. Кризис привел к падению коалиционного правительства

Д. Ллойд Джорджа и заставил Лондон способствовать заключению греко-турецкого перемирия в Мудании, а затем пойти на созыв специальной конференции по турецкому вопросу в швейцарской Лозанне. Именно там в последний раз довелось «скрестить шпаги» Г.В. Чичерину и Дж. Кёрзону, сохранившему свой пост в консервативном Кабинете Э. Бонар Лоу, взгляды которого на эвентуальную нормализацию отношений с РСФСР отличались от позиции Д. Ллойда Джорджа лишь в плане большей длительности и сложности этого процесса [Сергеев, 2019: 423–424].

Необходимость развязать крайне сложный и запутанный клубок противоречий между Турцией и Антантой, Советской Россией и бывшими союзниками, а также Великобританией, Францией и Италией обусловила пересмотр Севрского договора 1920 г. в рамках очередной международной конференции. Выбор Лозанны для ее проведения диктовался несколькими обстоятельствами: удобной локализацией в центре Европы, наличием достаточного количества отелей для многочисленных представителей, а также опытом переговоров по урегулированию итало-турецкого конфликта 1911–1912 гг. Наконец, как и в случае Генуи, для советской и американской делегаций было также важно, чтобы место проведения конференции не совпало с Женевой, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций [Goldstein, 2003: 193].

Несмотря на активную нотную переписку по вопросу созыва этого форума между Москвой, Анкарой и столицами западноевропейских государств, британское правительство первоначально вообще не намеревалось инициировать участие в нем делегации РСФСР, мотивировав свой отказ отсутствием советских представителей на переговорах в Севре⁵⁴. Только решительные протесты со стороны Кремля и кемалистского руководства побудили Лондон после некоторых колебаний направить приглашение в Москву.

Даже формальное посещение церемонии открытия конференции высшими должностными лицами Франции и Италии — Р. Пуанкаре и Б. Муссолини — должно было подчеркнуть ее значимость, хотя работой форума после их отъезда фактически руководил Дж. Кёр-

⁵⁴ Karakhan to Curzon. 12 September 1922 // The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton, N.J.: The Kingston Press, 1987. P. 481–485; Циркулярная нота правительства РСФСР иностранным государствам. 24 сентября 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 593–595.

зон, избранный его председателем. В обсуждении приняли участие делегации девяти стран (США и Япония выступили наблюдателями), которые образовали три рабочих комитета: по территориальным и финансовым вопросам, а также по проблеме капитуляций. Конференция проходила в два этапа: с 20 ноября 1922 г. по 4 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля того же года, однако принципиальное значение имел лишь первый. Перед участниками международной встречи стоял целый комплекс политических и экономических проблем, главными из которых были территориальное обустройство Турции, судьба нефтяных месторождений Мосула, а также установление порядка следования военных кораблей и торговых судов через проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря [Goldstein, 2003: 201].

Стоит отметить, что для председателя конференции она оказалась кульминацией всей дипломатической карьеры. Дж. Кёрзон по праву занимал это кресло на пленарных заседаниях, одновременно возглавив важнейший комитет по территориальным проблемам. Основную задачу он видел в предотвращении срыва конференции большевиками и кемалистами, стремясь, как он писал Э. Бонар Лоу, одинаково корректно, но всё же твердо относиться к русским и туркам, уступая им в процессуальных мелочах, но неуклонно отстаивая британскую позицию в главных вопросах⁵⁵.

Несмотря на упорное нежелание членов турецкой делегации, Дж. Кёрзону удалось добиться их согласия с основными положениями конвенции по проливам, но тут возникло новое затруднение в лице Г.В. Чичерина. В отечественной историографии работа Лозаннской конференции традиционно сводилась к противостоянию Лондона и Москвы, что, конечно же, выглядит упрощением [Трухановский, 1962: 104]. При всём значении для Великобритании вопроса о Черноморских проливах повестка дня на встрече в Лозанне была гораздо шире, чем дипломатическая дуэль между двумя главами внешнеполитических ведомств, которая, однако, по мнению автора статьи, наглядно демонстрирует подходы дипломатов к нормализации двусторонних отношений⁵⁶.

⁵⁵ Curzon to Bonar Law. 28 November 1922 // TNA. PA. Bonar Law Papers (BL) 111/12/35. Ff. 1–11.

⁵⁶ Чичерин — Литвинову. 9 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332.

Если кремлевское руководство было в общем едино относительно необходимости закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей Антанты, то в британском истеблишменте соперничали «грекофильская» и «туркофильская» точки зрения на эту проблему. Не желая подтолкнуть М. Кемаля в «объятия» большевиков, консервативный Кабинет также стремился избежать недовольства Греции, выступавшей важнейшим стратегическим союзником Великобритании в Восточном Средиземноморье и способной при неблагоприятном для Лондона развитии событий попасть под влияние Франции. В этой связи интернационализация проливов представлялась Дж. Кёрзону наиболее достижимым компромиссом.

В то же время колеблющаяся позиция Турции, не желавшей лишиться советской поддержки, но опасавшейся сохранения унижительных статей Севрского договора, не была секретом для Г.В. Чичерина, который еще до своего отъезда в Швейцарию вынужден был констатировать: «Теперь нет никакого сомнения, что Турция столкнулась с Антантой. Итак, терять нам нечего. Мы можем самым безудержным образом разоблачать и ругаться» [цит. по: Томас, 2010: 173].

4 декабря 1922 г. Г.В. Чичерин получил возможность выступить с речью на первом заседании комиссии, созданной для рассмотрения вопросов безопасности международного судоходства через Босфор и Дарданеллы. Советский нарком со ссылками на «почти вековую традицию» урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке с участием российской дипломатии говорил о недопустимости дискриминации РСФСР⁵⁷. Руководствуясь, как считал Г.В. Чичерин, не только советскими, но и турецкими интересами, он заявил, что Черноморские проливы должны быть открыты для торговых судов и закрыты для военных кораблей всех государств, кроме кемалистской Турции⁵⁸. Как сообщал один из дипломатов в Форин офис, «первое появление Чичерина было интересным, хотя мы все устали от его раздражающего слух фальцета, в то время как остальные русские выглядели ужасными мужланами [*awful ruffians*]» [цит. по: Goldstein, 2003: 200].

⁵⁷ Нота российско-украинско-грузинской делегации. 3 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 30–32.

⁵⁸ Выступление Чичерина. 4 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 14–16.

После ответной речи румынского представителя, отстаивавшего интернационализацию проливов, говорил сам Дж. Кёрзон, который в письме своему постоянному заместителю Э. Кроу следующим образом описал возникшую ситуацию: «Общее впечатление, произведенное заседанием, было таково, что Турция открыто и добровольно поставила себя в положение унижительного подчинения России, а последняя предложила нелепый план, рассчитанный лишь на превращение Черного моря в укрепленное русское озеро с Турцией в качестве вассала»⁵⁹. С точки зрения руководителя Форин-офиса, практическая реализация этой идеи означала бы повторение ситуации 1833 г., когда Россия подписала с Османской империей приснопомытный Ункяр-Искелесский договор, открывший краткий период российского доминирования в регионе Босфора и Дарданелл. Поспешные заверения руководителя турецкой делегации в том, что он вовсе не считает взгляд Анкары идентичным советским предложениям, а также закулисные уверения кемалистов о готовности «порвать с Россией, возобновить давнюю дружбу с Англией и заключить мир» стали, как справедливо отмечали историки, первой дипломатической победой Дж. Кёрзона и поражением Г.В. Чичерина, мнение которого не получило поддержки даже Анкары [Nicolson, 1937: 306–312; Фомин, 2010: 399].

6 декабря председатель конференции вновь взял слово. Дж. Кёрзон представил согласованный с союзниками план решения вопроса о Черноморских проливах: открытие их во всякое время для торговых судов и боевых кораблей без различия флага, кроме государств, находящихся в состоянии войны с Турцией⁶⁰. Все попытки главы НКИД на протяжении дальнейших дискуссий, занявших полторы недели, внести поправки в британский проект завершились неудачей. Однако Дж. Кёрзон, как и Д. Ллойд Джордж, не исключавший из арсенала дипломатии доверительные контакты, предложил своему оппоненту личную встречу, особенно после внесения Г.В. Чичериным компромиссного предложения об «условном» закрытии проливов⁶¹.

⁵⁹ Curzon to Crow. 5 December 1922 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 369–370; Curzon to Crow. 6 December 1922 // Ibid. P. 374–375.

⁶⁰ Выступление Кёрзона. 6 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 28–35, 36–46.

⁶¹ Предложение советской делегации на Лозаннской конференции. 7 декабря 1922 г. // Там же. Ф. 0421. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 3.

Она состоялась 17 декабря в отеле Beau Rivage, ставшем резиденцией английской делегации во время проведения форума. По сообщению главы британского МИД, он обратил внимание собеседника на постоянные нарушения обязательств, взятых на себя Москвой согласно договору 1921 г., например о прекращении англофобской пропаганды в странах Ближнего и Среднего Востока. «Какой реакции можно ожидать от нас тем якобы друзьям, которые, заключая нас в объятия, втыкают нам нож в спину?» — задал Дж. Керзон риторический вопрос Г.В. Чичерину. И далее продолжил: «До тех пор, пока не будет осуществлен полный разрыв с этой порочной практикой, действительного примирения не произойдет, хотя теперешнее британское правительство не менее, чем его предшественники, желает, чтобы Россия играла должную роль в реконструкции мира, понимая, что ее постоянное отчуждение является потерей для международного сообщества». Согласно интерпретации руководителя Форин офиса Г.В. Чичерин отверг все обвинения в адрес советского правительства, уведомив собеседника, что Москва крайне недовольна интригами англичан в Афганистане, Северной Персии и Закавказье и что она не может нести ответственность за действия «всех неофициальных российских агентов на местах». На это Дж. Керзон повторно озвучил мысль о том, что Великобритания «нигде не вредит» России, тогда как Г.В. Чичерин, даже находясь в Лозанне, публикует статьи, чтобы ухудшить отношения. «Изоляция России на Лозаннской конференции», о которой сетовал Г.В. Чичерин, — «вина самой России», — заключил беседу британский министр⁶².

А вот что после свидания с главой британского МИД передал в Москву Г.В. Чичерин: «Керзон не обнаружил резкой враждебности и не проявлял высокомерия, а только холодную деревянность, формализм и неумение или нежелание охватывать вопросы широко политически, как это всегда делал Ллойд Джордж...» По словам наркома, его собеседник высказал убеждение в стабильности большевистского режима, который «как будто нарочно отталкивает Англию и в Англии своих друзей». Но главная проблема, с точки зрения Дж. Керзона, заключалась в продолжении и даже усилении советскими представителями антибританской пропаганды на Востоке, что Г.В. Чичерин постарался опровергнуть. В итоге, по его оценке, глава

⁶² Curzon to Crow. 17 December 1922 // TNA. FO 418/58; Ibid. FO 839/26, DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 397.

Форин офис не отказал себе в удовольствии выступить со скрытой угрозой: «Я приехал для того, чтобы заключить договор о проливах с участием России. Я вполне сознаю, что без России этот договор будет иметь меньше силы. Но если вы не подпишете, это ваше дело, мы подпишем без вас. Может быть, вы потом присоединитесь».

Несмотря на, казалось бы, позитивный настрой руководителя британской делегации, Г.В. Чичерин пришел к пессимистичному выводу о том, что изоляция большевистского режима в Лозанне «несравненно больше, чем в период Генуи и Гааги», когда внешней политикой занимался либерал Д. Ллойд Джордж. «Теперь, — подчеркнул нарком в телеграмме для советского руководства от 9 декабря, — весь вопрос в том, чтобы удержать турок от слишком далеко идущих уступок»⁶³. В другом письме он констатировал: «Общее вынесенное мною впечатление заключается в том, что при Кёрзоне никаких серьезных соглашений с Англией вообще не может быть»⁶⁴.

В результате контрпроект конвенции о Босфоре и Дарданеллах, внесенный советской делегацией 18 декабря 1922 г. на рассмотрение участников конференции, предполагавший комбинированный режим судоходства и закрытие проливов для военных кораблей нечерноморских государств, был отклонен иностранными дипломатами без обсуждения, несмотря на попытку Г.В. Чичерина привлечь их внимание к замыслу британцев «сделать невозможной защиту проливов и Константинополя и поставить Россию под удары крупных флотов»⁶⁵. 19 декабря Дж. Кёрзон сообщил Э. Кроу: «Сначала я отклонил всю схему как простое воспроизведение первоначального предложения Чичерина о закрытии Черного моря, отметив, что у нее не нашлось сторонников, а сама она настолько несовместима с идеями союзников, что обсуждение бесполезно. Поэтому она умерла без вздоха с чьей-либо стороны и с едва различимым стоном автора»⁶⁶.

Пообещав турецким представителям уменьшение суммы репараций с 15 до 12 млн ф. ст., глава Форин офис окончательно перетянул их на свою сторону⁶⁷. О том, что Г.В. Чичерин фактически смирился

⁶³ Чичерин — Литвинову. 9 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332–335.

⁶⁴ Чичерин — Литвинову. 17 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 82–90.

⁶⁵ Проект конвенции о проливах делегации РСФСР. 19 декабря 1922 г. // Там же. С. 99–104.

⁶⁶ Curzon to Crow. 19 December 1922 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 398.

⁶⁷ Curzon to Lindsay. 2 February 1923 // Ibid. P. 494.

с дипломатическим поражением в Лозанне, не сумев сыграть на противоречиях между англичанами и французами, как он сначала планировал, свидетельствовала его телеграмма М.М. Литвинову от 30 января 1923 г., в которой всё внимание уделялось не Турции и проливам, а перспективам отношений с Египтом, получившим независимость от Великобритании, а также возможности признания эмира Хусейна бин Али аль-Хашими правителем Хиджаза⁶⁸. И хотя нарком категорически не согласился с окончательным проектом международной конвенции о режиме проливов, покинув Лозанну вслед за Дж. Кёрзоном 7 февраля 1923 г.⁶⁹, советская делегация, но уже во главе с В.В. Воровским, всё же вернулась в Швейцарию для участия во втором раунде конференции. 14 августа 1923 г. полпред в Риме И.О. Иорданский поставил на документе свою подпись, хотя Москва так и не ратифицировала этот международно-правовой акт⁷⁰.

Аналогично предыдущим конференциям, в рамках которых проходила дипломатическая дуэль между британской и советской делегациями, дискуссии среди историков о победителях и проигравших в Лозанне не утихают до настоящего времени. Пожалуй, не будет упрощением констатировать, что исследователи разделились на два лагеря: одни говорили о безусловной победе британской дипломатии, другие же оценивали политику Лондона на Ближнем Востоке гораздо более сдержанно, а некоторые вообще указывали на ее провал.

К числу первых принадлежали авторы, которые писали о том, что Дж. Кёрзону «удалось разрушить советско-турецкий альянс» [Dennis, 1924: 227–228] и восстановить престиж Великобритании в исламском мире благодаря сочетанию дипломатического такта и детального знания ситуации [Nicolson, 1937: 292–293; Dilks, 1984: 52]. Среди сдержанных оценок выделялось мнение известного историка А. Тойнби, который назвал конференцию не чем иным, как «спасением лица со стороны номинально победоносной Британии», столкнувшейся с волной национально-освободительных движений на Ближнем Востоке [цит. по: Goekay, 1997: 164]. Кроме того, критику

⁶⁸ Чичерин — Литвинову. 15 января 1923 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 85–86; Чичерин — Литвинову. 30 января 1923 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 169–171.

⁶⁹ Об итогах первого этапа Лозаннской конференции в британской оценке см.: Curzon to Crow. 5 February 1923 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 504–507.

⁷⁰ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Международные отношения, 1960. С. 201.

специалистов вызвало отрицательное отношение лидеров доминионов к действиям главы Форин офис на Лозаннской конференции, который не консультировался с ними, хотя и выступал от лица всей Британской империи [Watt, 1965: 147]. Со своей стороны У. Черчилль, признавая умелое проведение Дж. Кёрзоном этого форума, указывал на непоследовательность и нерешительность политики Кабинета в Западной Азии⁷¹.

Что же касается советских историков, то они стремились принизить значение Лозаннской конференции, отмечая фиаско планов Лондона по созданию «ближневосточной империи» от Александрии до Карачи, достижение Советской Россией «морального успеха» (?) на форуме в Швейцарии, а также «ненависть», проявленную «твердолобым» Дж. Кёрзоном к советским представителям [см., например: Лемин, 1947: 346; Рубинштейн, 1953: 417].

* * *

Подводя итоги дипломатического состязания Москвы и Лондона на международных конференциях 1922 г. в Генуе, Гааге и Лозанне, следует подчеркнуть три важных момента. Во-первых, отсутствие консолидированного внешнеполитического курса как у большевистского руководства, так и у британского правительства, что объяснялось не только новизной и масштабностью задач по формированию послевоенного мирового порядка, но и возникновением публичной дипломатии открытых форумов с участием делегаций многих стран. Во-вторых, очевидную, хотя и вполне понятную неготовность западных дипломатов отказаться от стереотипов восприятия большевистской диктатуры как угрозы стабильности либерально-демократических правительств, чтобы установить определенный *modus vivendi* в отношениях с новой Россией, без участия которой возвращение к «концерту держав» оставалось недостижимой целью. В-третьих, возникновение опасной для творцов Версальско-Вашингтонской международно-правовой системы тенденции к сближению государств, проигравших Первую мировую войну, с так называемыми странами-ревизионистами, не признавшими ее итоги.

В этой связи образование СССР 30 декабря 1922 г. беспокоило Лондон, поскольку любое движение в направлении создания Всемирной Республики Советов либо возвращение России к отстаиванию

⁷¹ Churchill W. The world crisis... P. 388, 391–392, 413, 438.

своих национальных геополитических интересов рассматривалось британской властной элитой как непосредственная угроза ее имперским владениям. Однако первый, хотя и далекий от позитивного опыт общения с представителями большевистского руководства на рассмотренных нами форумах продемонстрировал не только возможность, но и необходимость продолжения диалога двух крупнейших держав по актуальным проблемам двусторонних отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
2. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Наука, 1970.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
4. Выгодский С.Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
5. Ивашин И.Ф. Очерки истории внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958.
6. Иоффе А.А. Генуэзская конференция. М.: Красная новь, 1922.
7. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
8. Катасонов В.Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М.: Кислород, 2015.
9. Кононова М.М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.) // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. / Отв. ред. С.А. Беляев. М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2005. С. 10–84.
10. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996.
11. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1947.
12. Майский И.М. Внешняя политика РСФСР, 1917–1922. М.: Красная новь, 1923.
13. Макаренко П.В. Двойные стандарты советской дипломатии // Проблемы социально-политического развития российского общества: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. В.М. Черных. Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2003. С. 48–56.
14. Преображенский Е.А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М.: Государственное издательство, 1922.
15. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1953.
16. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения 1918–1924: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

17. Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010.
18. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.) М.: Международные отношения, 1962.
19. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
20. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
21. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
22. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
23. Штейн Б.Е. Гаагская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
24. Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
25. Bush B. Mudros to Lausanne: Britain's frontier in West Asia, 1918–1923. Albany; New York: State University of New York Press, 1976.
26. Carley M. Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations. Lanham, ML.: Rowman and Littlefield Publishers, 2014.
27. Coates W., Coates Z. A history of Anglo-Soviet relations. Vol. 1. London: Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 1943.
28. Dennis A. The foreign policies of Soviet Russia. New York: J.M. Dent and Sons, 1924.
29. Dilks D. The British Foreign Office between the wars // Shadow and substance in British foreign policy, 1895–1939: Memorial essays honoring C.J. Lowe / Ed. by B. Mackercher, D. Moss. Edmonton; Alberta: University of Alberta Press, 1984. P. 33–53.
30. Dockrill M., Goold D. Peace without promise: Britain and the peace conferences, 1919–23. Hamden, CT: Archon Books, 1981.
31. Fink C. The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1993.
32. Fischer L. The Soviets in world politics. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world, 1917–1929. Vol. 2. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951.
33. Gilmor D. Curzon. London: J. Murray, 1994.
34. Goekay B. A clash of empires: Turkey between Russian bolshevism and British imperialism, 1918–1923. London; New York: Tauris Academic Studies, 1997.
35. Goldstein E. The British official mind and the Lausanne conference // Power and stability: British foreign policy, 1865–1965 / Ed. by E. Goldstein, B. Mackercher. London: F. Cass, 2003. P. 185–206.

36. Hartley J. Guide to documents and manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union. London: Mansell, 1987.
37. Johnson R. Soviet foreign policy, 1918–1945: A guide to research and research materials. Wilmington, Del.: Scholarly Resources Inc., 1991.
38. Macmeekin S. The Ottoman endgame. War, revolution and the making of the modern Middle East, 1908–1923. London: G. Allen and Unwin, 2015.
39. Nicolson H. Curzon: The last phase, 1919–1925. A study in post-war diplomacy. London: A. Constable, 1937.
40. Nicolson H. Some people. Boston; New York: Mifflin, 1926.
41. Orde A. British policy and European reconstruction after the First World War. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
42. Orde A. British policy and European reconstruction after the Great War // Britain and the threat to stability in Europe, 1918–45 / Ed. by P. Catteral, C.J. Morris. London; New York: Leicester University Press, 1993. P. 8–16.
43. Owen F. Tempestuous journey. Lloyd George, his life and times. London: Hutchinson, 1954.
44. Ronaldshay L. The life of Lord Curzon. Vol. 3. London; New York: E. Benn, 1928.
45. Roskill S. Hankey. Man of secrets. Vol. 2. London: Collins, 1972.
46. Salzmänn S. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934. New York: The Boydell Press, 2003.
47. The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton, N.J.: The Kingston Press, 1987.
48. Watt D. Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century. London: Longmans, 1965.
49. White S. The origins of détente. The Genoa conference and Soviet-Western relations, 1921–1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
50. Williams A. Trading with the Bolsheviks: The politics of East-West trade, 1920–1939. Manchester: Manchester University Press, 1992.

REFERENCES

1. Bystrova N.E. 2020. *Sovetskaya Rossiya na konferentsiyakh v Genue i Gaage v 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the 1922 Genoa and the Hague conferences: A view from the Kremlin]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)
2. Vinogradov K.B. 1970. *Devid Lloid Dzhordzh* [David Lloyd George]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
3. Volkov F.D. 1980. *Tainy Uaitkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing street]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)

4. Vygodskii S.Yu. 1965. *U istokov sovetskoi diplomatii* [At the origins of the Soviet diplomacy]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
5. Ivashin I.F. 1958. *Ocherki istorii vneshnei politiki SSSR* [Essays on the history of the foreign policy of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
6. Ioffe A.A. 1922. *Genuezskaya konferentsiya* [The Genoa conference]. Moscow, Krasnaia nov' Publ. (In Russ.)
7. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [The history of the foreign policy of Great Britain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
8. Katasonov V.Yu. 2015. *Genuezskaya konferentsiya v kontekste mirovoi i rossiiskoi istorii* [The Genoa conference in the context of world and Russian history]. Moscow, Kislorod Publ. (In Russ.)
9. Kononova M.M. 2005. Struktura, status i mekhanizm funktsionirovaniya rossiiskikh diplomaticheskikh zagranuchrezhdenii v emigratsii (1917–1925 gg.) [Structure, status and functioning of the Russian diplomatic missions abroad in emigration (1917–1925)]. In: Belyaev S.A. (ed.). *Russkaya emigratsiya v Evrope v 1920–1930-e gg.* [Russian emigration in Europe in the 1920s–1930s]. Moscow, Institute of Russian history RAS, St. Petersburg, Aleteia Publ., pp. 10–84. (In Russ.)
10. Latyshev A.G. 1996. *Rassekrechennyi Lenin* [Declassified Lenin]. Moscow: Mart Publ. (In Russ.)
11. Lemin I.M. 1947. *Vneshnyaya politika Velikobritanii ot Versalya do Lokarno. 1919–1925 gg.* [The foreign policy of Great Britain from Versailles to Locarno. 1919–1925]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
12. Maiskii I.M. 1923. *Vneshnyaya politika RSFSR, 1917–1922* [The foreign policy of the RSFSR, 1917–1922]. Moscow, Krasnaya nov' Publ. (In Russ.)
13. Makarenko P.V. 2003. Dvoinye standarty sovetskoi diplomatii [Double standards of the Soviet diplomacy]. In: Chernykh V.M. (ed.). *Problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya rossiiskogo obshchestva* [Social and economic problems of the Russian society]. Voronezh, Voronezhskaya gosudarstvennaya tekhnologicheskaya akademiya Publ., pp. 48–56.
14. Preobrazhensky E.A. 1922. *Itogi Genuezskoi konferentsii i khozyaistvennyye perspektivy Evropy* [The outcomes of the Genoa conference and the economic prospects of Europe]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
15. Rubinshtein N.L. 1953. *Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg.* [The foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
16. Sergeev E.Yu. 2019. *Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya 1918–1924: ot interventsii k priznaniyu* [Bolsheviks and the British. Soviet-British relations in 1918–1924: From intervention to recognition]. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)
17. Tomas L.Ya. 2010. *Zhizn' G.V. Chicherina*. [The life of G.V. Chicherin]. Moscow, Sobranie Publ. (In Russ.)

18. Trukhanovsky V.G. 1962. *Vneshnyaya politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [The foreign policy of England at the first phase of the general crisis of capitalism (1918–1939).] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

19. Fomin A.M. 2010. *Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za 'Osmanskoe nasledstvo'. 1918–1923* [The war to be continued. Great Britain and France in the struggle for 'Ottoman succession']. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russ.)

20. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-kh gg.* [The Soviet state at the international forums in the 1920s–1930s]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

21. Chubaryan A.O. 1972. *V.I. Lenin i formirovanie sovetskoi vneshnei politiki* [Vladimir Lenin and the formation of the Soviet foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir* [The formation of foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and capitalist world]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)

23. Shtein B.E. 1922a. *Gaagskaya konferentsiya* [The Hague conference] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

24. Shtein B.E. 1922b. *Genuezskaya konferentsiya* [The Genoa conference] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

25. Bush B. 1976. *Mudros to Lausanne: Britain's frontier in West Asia, 1918–1923*. Albany, New York, State University of New York Press.

26. Carley M. 2014. *Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, ML., Rowman and Littlefield Publishers.

27. Coates W., Coates Z. 1943. *A history of Anglo-Soviet relations*, vol. 1. London, Lawrence and Wishart, The Pilot Press.

28. Dennis A. 1924. *The foreign policies of Soviet Russia*. New York, J.M. Dent and Sons.

29. Dilks D. 1984. The British Foreign Office between the wars. In: Mackercher B., Moss D. (eds.). *Shadow and substance in British foreign policy, 1895–1939: Memorial essays honoring C.J. Lowe*. Edmonton, Alberta, University of Alberta Press, pp. 33–53.

30. Dockrill M., Goold D. 1981. *Peace without promise: Britain and the peace conferences, 1919–23*. Hamden, CT, Archon Books.

31. Fink C. 1993. *The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922*. Chapel Hill, London, University of North Carolina Press.

32. Fischer L. 1951. *The Soviets in world politics. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world, 1917–1929*, vol. 2. Princeton, N.J., Princeton University Press.

33. Gilmor D. 1994. *Curzon*. London, J. Murray.

34. Goekay B. 1997. *A clash of empires: Turkey between Russian bolshevism and British imperialism, 1918–1923*. London, New York, Tauris Academic Studies.
35. Goldstein E. 2003. The British official mind and the Lausanne conference. In: Goldstein E., Mackercher B. (eds.). *Power and stability: British foreign policy, 1865–1965*. London, F. Cass, pp. 185–206.
36. Hartley J. 1987. *Guide to documents and manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union*. London, Mansell.
37. Johnson R. 1991. *Soviet foreign policy, 1918–1945: A guide to research and research materials*. Wilmington, Del., Scholarly Resources Inc.
38. Macmeekin S. 2015. *The Ottoman endgame. War, revolution and the making of the modern Middle East, 1908–1923*. London, G. Allen and Unwin.
39. Nicolson H. 1937. *Curzon: The last phase, 1919–1925. A study in post-war diplomacy*. London, A. Constable.
40. Nicolson H. 1926. *Some people*. Boston, New York, Mifflin.
41. Orde A. 2002. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge, MA, Cambridge University Press.
42. Orde A. 1993. British policy and European reconstruction after the Great War. In: Catteral P., Morris C.J. (eds.). *Britain and the threat to stability in Europe, 1918–45*. London, New York, Leicester University Press, pp. 8–16.
43. Owen F. 1954. *Tempestuous journey. Lloyd George, his life and times*. London, Hutchinson.
44. Ronaldshay L. 1928. *The life of Lord Curzon*, vol. 3. London, New York, E. Benn.
45. Roskill S. 1972. *Hankey. Man of secrets*, vol. 2. London, Collins.
46. Salzmann S. 2003. *Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934*. New York, The Boydell Press.
47. Dmytryshyn B., Cox F. (eds.). 1987. *The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985*. Princeton, N.J., The Kingston Press.
48. Watt D. 1965. *Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century*. London, Longmans.
49. White S. 1985. *The origins of détente. The Genoa conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge University Press.
50. Williams A. 1992. *Trading with the Bolsheviks: The politics of East-West trade, 1920–1939*. Manchester, Manchester University Press.